

1. ПОСРЕДИ ВОЙНЫ

Поезд въехал на железнодорожный мост, и в окне появилась широкая река с песчаной отмелью посредине. По вагону прошёл проводник и объявил: «Подъезжаем к Котлас-узлу». Я спросила няню: «Приехали?» Но оказалось, что город и вокзал будут позже.

На вокзале нас встретила мама, и когда няня сказала: «Наточка, это твоя мама», — мне почему-то вдруг стало страшно, и я спряталась за нянину юбку. Этот манёвр я проделывала всегда, когда мне нужно было успокоиться и почувствовать себя под защитой. А юбки у няни были для этого очень подходящие: широкие, длиной до пола и в густую сборку, как в старину. Нянечка моя и сама была «старинная». Звали её Марфа Андреевна, родом она была из псковской деревни, до революции служила горничной у французского посла; там же был кучером её муж, но он рано умер, и она потом работала то няней, то домработницей в разных семьях. И наконец, когда в 1925 году родился мой старший брат Миша, няня попала к нам да так у нас и осталась и стала для нас не домработницей, а родным и любимым человеком.

Моё раннее детство прошло с няней и бабушкой, так как родители мои были репрессированы, когда мне было всего семь месяцев от роду. О нашем папе мне много рассказывала старшая сестра Ирина, но я его так никогда и не увидела. Он был осуждён на десять лет «без права переписки», что на самом деле означало расстрел, а мама же освободилась из заключения летом 1943 года. Вот в это лето мы с няней и приехали к маме в Котлас из Свердловска, где были в эвакуации, где умерла моя бабушка, откуда ушёл добровольцем на фронт мой брат Миша. Мне было шесть лет, и я совсем не знала свою маму.

С вокзала мама повела нас к себе домой. Жила она в малюсенькой комнатке, которую снимала в

2006. - 2. - 23-26; 3. - 36-37;
2011. - 21 - 15; 4 - 14; 11 - 14.

большом деревенском доме в четырёх километрах от города. Это был пригород, и называлось это место Болтинка. Хозяйку дома звали тётя Маруся Тюкавина. А так как Маруся Тюкавиных было немало вокруг, то наша тётя Маруся называлась Манька Ванькина. Её муж Иван Андреевич был капитаном парохода, который ходил по Северной Двине от Котласа до Архангельска и обратно.

Тётя Маруся нас обняла, расцеловала, как будто приехали её долгожданные родственники. Маме она при этом сказала: «Ну, теперь тебе дивья, Раиса Семёновна, — дочка приехала, да и девочка-то какая баская». Мне не понравилось, что я «баская», и я немного надулась. Но потом мама мне объяснила, что в каждой местности есть свои особенности речи, и на местном языке «дивья» означает «хорошо», а «баская» значит «красивая» — и это мне понравилось. Ещё мне очень понравилось, что тётя Маруся напекла вкусных и душистых шанег (вагрушки из ржаной муки с начинкой из картошки) и пригласила нас к себе на ужин. Потом её дочка Гета, младше меня на два года, позвала меня спать на русскую печку, которую я видела первый раз в жизни. Мы там долго возились и шептались в окружении тараканов, которых я очень боялась, Гета же не обращала на них никакого внимания.

Почти сразу за домом был лес, и утром мы с Гетой пошли на его опушку, где я впервые увидела, как растёт лесная ягода костяника, а потом тётя Маруся дала нам по кружке парного молока и ломтю хлеба, испечённого в русской печи. В Котласе мне определённо начало нравиться.

Маму я видела мало, она очень много работала: с утра до ночи, а иногда и ночью. Была она начальником санчасти в лагере для заключённых, том самом, из которого освободилась перед нашим приездом. Лагерь этот называли пересылкой или зоной. Иногда мама говорила няне: «Няня, пришёл этап, на ночь меня не жди». Это означало, что на пересылку привезли много заключённых, и от начальника санчасти, то есть от моей мамы, зависело, останутся ли они здесь или будут отправлены дальше на север, где многих из них ожидала смерть из-за состояния здоровья и суровых северных условий. По прошествии многих лет я видела у мамы письма от благодарных ей людей, которым она всячески старалась помочь и которых спасла от верной гибели, не разрешив отправку на север.

У тёти Маруси мы прожили недолго, так как вскоре после нашего приезда маме дали жильё. И мы уехали из приютившего нас гостеприимного дома, но с его хозяевами остались дружны на всю жизнь.

Дом, куда мы переехали, оказался бараком рядом с зоной, на той же Болтинке. Он был длинный и низкий, с множеством маленьких квартир с отдельными входами с улицы. У нас были кухня и комната. Вся мебель — столы, стулья, топчаны — была сделана в зоне. Зона нас вообще обеспечивала очень многим. Нам там шили бурки и домашние тапочки, мне шили пальто, мы туда ходили в баню, лечились тоже у врачей из зоны; и однажды бывшая костюмерша Большого театра сшила мне там необыкновенно красивый лыжный костюм.

На новом месте мне было скучно, и я приставала к няне, что хочу познакомиться с какими-нибудь девочками. И однажды мы с ней пошли в гости

в барак, расположенный неподалёку от нашего. В комнатке, в которую мы пришли, было очень тесно, а по полу бегали три маленьких беленьких козлёнка. Ещё в комнате находились три девочки: Валя (она стала моей подругой на все школьные годы) и две её младших сестрёнки — Нина и Римма. Их папа погиб на фронте, а мама, тётя Оля Аристова, работала вахтёром. На следующий день тётя Оля шла на работу в ночь, и девочки оставались одни. Я попросила маму с няней отпустить меня к ним почитать, но не тут-то было. Наверное, ничего бы и не получилось, если бы мне на помощь не явилась вся компания: Валя с сёстрами. Няня нас проводила, проверила, всё ли у нас в порядке, помогла отнести козе корм, оставленный тётей Олей, и ушла домой. Тут у нас началось веселье! Мы играли в дочки-матери, наряжались, переодевались, кувыркались, а наутро Валя проспала и опоздала в школу — она уже училась в первом классе. Ну конечно, нам попало, тем более, что и в комнате мы всё перевернули вверх дном.

В одно прекрасное утро я проснулась оттого, что кто-то меня тормошил, обнимал, целовал, смеялся и говорил: «Какая большущая, как выросла!» Когда с меня окончательно слетел сон, я поняла, что — о радость! — к нам приехала моя сестра Ирина. Она была в эвакуации в другом месте с семьёй маминого брата дяди Сёмы. Телеграмма о её приезде до нас почему-то не дошла, и никто Ирину не встретил. И вот мы втроём — няня, Ирина и я — сидим за столом и ждём маминого прихода на обед. Открывается дверь, мама застывает на пороге и не отрываясь смотрит на Ирину, а потом говорит почему-то испуганно: «Няня, кто это?» Ирина как заплачет: «Мамочка, ты что, не узнаёшь меня?» Ирине было уже 16 лет, и последние пять лет они с мамой не виделись.

Ирину сразу устроили в школу, находившуюся в четырёх километрах от нас, в городе. В ту пору у нас не было ни часов, ни радио, поэтому няня определяла время утреннего подъёма по закигавшимся огням в окнах деревенских домов, но эти «часы» были не очень надёжны, был даже случай, когда Ирина пришла в школу на два часа раньше положенного времени.

Ну а у меня с приездом Ирины жизнь пошла намного интереснее. В зоне мне нашили кукол; любимыми у меня были клоуны Петрушка и Ванька Рутютю. Ирина мне помогала шить им платья, читала, катала на санках, брала с собой в гости к Тамаре, старшей дочери тёти Маруси Тюкавиной, но самым любимым моим занятием было смотреть, как Ирина рисует, а рисовала она часто и очень хорошо. Я подолгу заворожено следила, как она набрасывает контуры, как разводит краски, смешивает их, раскрашивает и как постепенно из ничего рождается что-то очень красивое. Это было как волшебство.

Барак наш был расположен между двумя железными дорогами. Одна была главная на высокой насыпи, по ней шли длинные товарные поезда и пассажирские с табличками «Котлас—Москва», «Котлас—Ленинград» и другими, вторая была отвлечением от главной и вела к зоне и лесобирже. И всё это находилось на высоченном берегу Северной Двины. Недалеко от нашего дома от леса к реке тянулся глубокий овраг, на дне его протекал ручей. Весной и ранним летом он превращался в

бурный поток и обрывался с высокого берега к реке шумным водопадом, а склоны оврага зарастали голубыми незабудками.

Железная дорога над оврагом проходила по мостику, перед которым на насыпи стояла табличка с загадочной надписью: «Закрой поддувало». И мы с девочками и мальчишками, завидев приближающийся поезд, залезали под мостик и во все глаза смотрели вверх в надежде увидеть это самое поддувало. Однажды кто-то из родителей увидел нас за этим занятием, и на этом наш интерес к поддувалу закончился. Так же закончилось и другое наше развлечение, когда о нём узнала моя мама. А развлекались мы тем, что в зимние вечера, когда уже становилось темно, мы забегали, а то и заползали по снегу за таблички с надписью «Запретная зона», расставленные перед колючей проволокой, ограждавшей зону. Тогда раздавался окрик «стрелка» (так называли часовых на выпшках): «Стой! Кто идёт?», и мы кричали в ответ: «Начальник санчасти!»

Зимой выпадало много снега, и мы вырывали в сугробах пещеры, проделывали ходы, целые лабиринты, строили крепости, играли в войну, в разведчиков. Ближе к весне нетронутый снег превращался в наст, блестящий на солнце и под луной; мы любили на нём кружиться до упаду, особенно вечером, под ярким лунным светом. Кружишься, кружишься, а потом со всего размаху шлепнешься на спину, раскинув руки и ноги, и смотришь, как над тобой начинает кружиться звёздный небосвод.

Машин в Котласе в то время не было, но было много лошадей, и мы цеплялись ко всем проезжавшим подводам. Возницы были разные — добрые и злые, с добрыми мы катались, злые огревали кнутом. В одно из таких катаний мы увидели, что по дороге к нашему бараку идёт незнакомый человек. Когда же мы с ним поравнялись, я от радости вскочила на санях, изо всех сил оттолкнулась от них и полетела в сугроб, да и застряла там почти вверх ногами, а на дороге стоял мой брат Миша и смеялся. Но больше таким смеющимся я его не видела. Миша приехал к нам из госпиталя, куда попал с фронта — он был ранен и болен туберкулёзом. Это была ранняя весна 1944 года.

В апреле началось бурное таяние снега, и, когда он уже почти везде растаял, казалось, что река со своим льдом не собирается расставаться вовсе. Но вдруг однажды утром мы услышали со стороны реки оглушительные взрывы. Оказалось, что специально взрывают лёд около опор железнодорожного моста через реку, чтобы там не образовался затор. Вскоре после этого начался ледоход. Длился он, наверное, неделю, и мы каждый день бегали на реку смотреть на это мощное движение.

Мы вообще проводили много времени на реке в любое время года. С нашего высокого берега открывался вид на широкий простор на той стороне реки. Противоположный берег был низкий, с заливаемыми лугами, а напротив нас была расположена небольшая деревенька Вождокурье с деревьями и церковью. Далеко-далеко на горизонте синел лес; за этот лес по вечерам садилось солнце, и золото заката отражалось в воде. Летом мимо нас ходили пароходы. Мы знали все их названия, особенно нас привлекало и смешило непонятное слово «Шеговарь», и мы всегда махали руками ему вслед и кричали: «Счастливого пути!» Зимой же, когда мы

играли в войну, Вондокурье у нас всегда было занято немцами, и мы по реке ходили туда в разведку. Ступать по глубокому снегу бывало и страшно-вато: а вдруг под снегом вода? Но этот страх прибавлял ещё больше интереса к игре. На церкви обязательно сидел немецкий снайпер и обязательно кого-нибудь из нас ранил, поэтому на обратном пути мы то падали, то тащили друг друга, то ползли по снегу, но «задание выполняли»!

Итак, шла весна 1944 года. Мне исполнялось семь лет, и я радовалась, что скоро, как и Валя, пойду в школу. Лето, как всегда, пролетело быстро. Первого сентября, держась за мамину руку, с портфелем, довольная, я иду в первый класс. Школьная форма была не обязательна, да её у нас и не было, поэтому одеты все были по-разному. Мне Ирина сшила хорошенькое тёмно-зелёное платье с белым воротничком, поверх платья на меня надели белый передник с большим карманом посередине, на котором были вышиты три поросёнка. На первой же перемене ко мне подошёл мальчик из нашего класса Лёня Поломодов, начал критически меня осматривать и кривляться, строить рожи, а потом поднял высоко свою ногу в кирзовом сапоге и опустил её с размаху прямо в мой большой карман. Карман треснул и повис бесформенной тряпкой. Весь урок я боялась, что учительница попросит меня зачем-нибудь встать и выйти из-за парты. На следующей перемене ко мне на помощь пришла симпатичная девочка из нашего класса Аля Ключкова. Мы с ней вместе оторвали остатки злополучного кармана, и больше я таких передников в школу не носила.

На Болтинке было много частных домов, Аля жила в одном из них. У неё были ещё младшие сестра и брат, и папа сделал им во дворе качели и ледяную горку. Был у них и замечательный пушистый пёс Шарик, с которым мы любили возиться. У Али было всегда интересно, и меня часто отпускали к ней в гости. Мы забирались на русскую печку, где, как и у тёти Маруси, было полно тараканов, и в темноте рассказывали друг другу «страшное».

Алин дом был настолько недалеко от леса, что зимой по ночам иногда к нему подходили волки. В одну из таких ночей волки загрызли нашего бедного Шарика, по которому мы долго горевали. Была у Ключковых и своя баня; нередко тётя Юлия, Алина мама, нас там драила мочалками, приговаривая, что тереть надо получше, чтобы на коже не было «пупыршков».

Зимой в наш барак приехали две новые семьи, где были девочки моего возраста, Тамара и Алла. Я слышала, как мама говорила няне, что мама Аллы «сексот». Я не знала, что это такое, но понимала по маминому тону, что что-то плохое. И Тамара, и Алла стали моими одноклассницами. В школу мы ходили все вместе большой компанией. И смешно же мы выглядели в зимнюю стужу, когда поверх пальто нас закутывали ещё большими шерстяными платками так, что открытыми оставались только глаза. Зато эти платки спасали нас и от мороза, и от метели, они же согревали нас в школе, когда в классе было холодно, а это бывало довольно часто.

Тетрадей у нас первое время не было, и мы писали на старых бланках, выданных в школе. Неожиданно к Новому году мама принесла мне из

зоны подарок — тетради с красивыми обложками, белой глянцево-бумагой, с разноцветными полями, а также атласные ленты и конфеты в красивых фантиках. Это было настоящее богатство! Особенно фантики, ведь мы их собирали, но таких красивых я ещё не видывала. Подарок этот мне передал находившийся в зоне заключённый из Литвы — доктор Бергерис. Мама рассказала, что он попросил прислать ему всё это в одной из посылок, которые получал из дому. В конце зимы доктор Бергерис умер.

А с наступлением весны и наш Миша стал чувствовать себя хуже, и мама положила его в лазарет, находившийся в зоне. Второго мая Мише исполнилось двадцать лет, а девятого мая закончилась война. День Победы мне не очень запомнился. Помню только, что плакала тётя Оля Аристова — Валин папа погиб; радовалась соседка тётя Рая — её муж пропал без вести и она теперь надеялась на его возвращение из плена.

Тамара и Алла по окончании войны уехали из Котласа. Зато в наш барак, в соседнюю с нами квартиру, переехали Аристовы. С Валей мы договорились перестукиваться через стенку определёнными сигналами. Что-то означало: «Выходи гулять», что-то — «Приходи ко мне».

Как-то утром в конце весны раздался громкий стук: «Выходи гулять!» Когда я вышла, Валя была уже на улице и с нетерпением меня ждала. «Попли скорее смотреть, пленный привезли», — сказала она. Напротив нашего дома, на железнодорожной линии, ведшей в зону, стоял состав из вагонов, называвшихся теплушками. Эти теплушки были заполнены женщинами, старыми и молодыми. Для нас, одетых «по местной моде», вид их был совершенно непривычен: они были кто в длинных халатах, кто в брюках, кто в пижамах, вся их одежда и вязаные шапочки на головах казались нам диковинными. Они громко переговаривались не по-русски и всё время что-то делали: умывались, мыли, стирали, варили, а мы стояли напротив них и смотрели, как замороженные. Подойти совсем близко нам не разрешали часовые, но мы и так были недалеко, и картина эта нас поразила. Так мы и стояли, пока нас не увидела моя мама. Она нас увела, сказав: «Это не зоопарк». Нам было запрещено появляться там снова, а на следующий день состав куда-то исчез. Впоследствии я узнала от мамы, что это были люди, высланные из Прибалтики.

К лету тётя Оля сшила нам четверым — Вале, Нине, Римме и мне — одинаковые сарафаны из красного в мелкие цветочки ситца. Мы в этих сарафанах чувствовали себя очень красивыми, а мне особенно нравилась наша одинаковость.

В один жаркий день мы с Валей, надев красные сарафаны и никому ничего не сказав, отправились в город. Мы ещё ни разу не ходили так далеко без взрослых, и нам это, конечно, не разрешалось. В городе мы очутились на рынке и направились напрямиком к мороженому. Тут перед нами встала проблема отсутствия денег, но Вале пришла простая мысль: «Давай займём у кого-нибудь». Мы начали слоняться по рынку в поисках знакомых. И нашли.

А дома тем временем нас хватились, няня обошла всех девочек, побывала на реке, и когда мы, такие довольные и самостоятельные, появились

дома, там был уже настоящий переполох. Я не помню, как тётя Оля наказала Валю, а мне няня сказала: «Собирайся, сейчас пойдём к Мише, и ты ему всё сама расскажешь, пусть тебе будет стыдно».

Миша был по-прежнему в лазарете, и няня повела меня к нему «на суд». Когда мы пришли, Миша спал. В палате было ещё несколько кроватей, но на них никого не было, наверное, больные гуляли. Мы с няней тихонько посидели, дожидаясь Мишиного пробуждения. Потом я, опустив голову, с виноватым видом рассказала ему про наше «преступление». Когда я закончила, Миша подозвал меня к себе поближе и... погладил по голове.

Мише становилось всё хуже и хуже. Осенью мама и няня стали по очереди дежурить у него по ночам. Как-то в ноябре няня ушла вечером к Мише, мама была на работе, и мы с Ириной были дома одни. Мы уже собирались ложиться спать, когда раздался стук в дверь. «Кто там?» — спрашивает Ирина, в ответ мы слышим нянин голос. Ирина испугалась, она сразу поняла, что с Мишей что-то случилось, и закричала, не открывая дверь: «Няня, иди к Мише!» Тогда няня громко сказала: «Миша приказал долго жить».

В ноябре была уже настоящая зима, стояли сильные морозы. Я была больна и не ходила в школу. Я слышала, как дома обсуждали, в чём Мишу похоронить и какое сделать надгробие. На похороны меня не взяли. Мы сидели у нас дома вдвоём с Валею, тётя Оля разрешила ей в этот день не ходить в школу. Когда все вернулись с кладбища, я увидела, что у Ирины как-то перекошено лицо, а мама на мой вопрос ответила, что это на нервной почве и постепенно пройдёт. За столом няня сказала, что теперь Мишина душа будет летать у нас дома сорок дней.

Прошло какое-то время, и мне приснился сон. Как будто мама и няня разговаривают о Мише, а я играю в куклы. Вдруг я вижу, что из-за кухонной двери выглядывает Миша и улыбается мне. Я говорю об этом маме с няней, но они от меня отмахиваются — этого не может быть, ведь Миша умер, и уходят куда-то. А я теперь вижу, что Миша сидит на табуретке посреди комнаты в костюме, в котором его похоронили, и в кепке из того же материала. Сидит он очень грустный, опустив голову. Мне, чтобы попасть к своей кровати, нужно пройти мимо него, а я боюсь. Но я иду и, чтобы не показывать, что мне страшно, поравнявшись с ним, шутиливо сбиваю с его головы кепку, он улыбается и протягивает руку. Мне страшно, но я подаю свою и чувствую, что его рука холодная-прехолодная. Тут я просыпаюсь. Ещё совсем рано, и все спят. В комнате темно, я вспоминаю нянины слова про Мишину душу, мне становится жутко, и я прижимаюсь к няне, спящей рядом со мной. Мне почему-то казалось, что этот сон никому не надо рассказывать, но он не выходил у меня из головы, и я всё-таки через несколько дней рассказала его няне. Няня мне сказала, что Миша приходил ко мне прощаться, и больше я никогда Мишу во сне не видела.

г. С.-Петербург

(Окончание следует)

2. ПОСЛЕ ВОЙНЫ

(Окончание. Начало в № 2, 2006 г.)

Блезнь моя затянулась. Временами поднималась высокая температура, при которой я бредила: мне казалось, что по потолку бегают Нина и Римма Аристовы, и я просила няню: «Няня, скажи им, чтобы они не бегали, у меня болит голова». Мама приводила ко мне врачей из зоны, иногда собирался целый консилиум, меня осматривали, ощупывали, щипали кожу на ногах и спрашивали, чувствую ли я боль. Но, наконец, наступил момент, когда мне стало лучше, и хоть я ещё долго была в постели, мне уже хотелось чем-нибудь заниматься. И мне всё разрешалось: в постели я читала, писала, шила куклам, раскрашивала нарисованные Ириной картинки. Особенно я любила вечера, когда из школы приходила Ирина со своим всегдашним провожатым, одноклассником Толей Поповым. Он был очень высокий, и я обожала, когда он закутывал меня в одеяло и носил по комнате. Потом Ирина устраивала чтение вслух, читали «Тома Сойера» и «Приключения Гекльберри Финна». Слушали все: няня, я, Толя и мама, если была не на работе. Первое моё вставание с постели сопровождалось Ирининым восклицанием: «Натка, какие у тебя стали тоненькие ножки!». А я сделала попытку побежать и... упала. Но постепенно всё наладилось, болезнь осталась позади, я опять ходила в школу, гуляла. И опять настала весна с ручьями, ледоходом и теплом.

Ирина в этом году заканчивала школу, и дома обсуждалось, куда ей идти дальше учиться. Она была очень хорошенькая, особенно её украшали красивые вьющиеся волосы и очаровательная улыбка, и «обитавший» в то время в зоне кинорежиссёр Каплер уговаривал её поступать в театральный институт. Но мама сердилась на это и говорила: «Актрисой надо быть или очень талантливой, или не быть ею вовсе». Впереди у Ирины были выпускные экзамены и время для раздумий.

Весеннее солнце пригревало всё сильнее. Наконец, сошёл снег, земля оттаяла. Тут у нас, у детво-

ры, началось строительство. Мы строили домики напротив своих квартир. У нас с Валей домик был общий. Строительного материала было хоть отбавляй: на лесобирже лежали горы всевозможных досок, и можно было брать лубые.

Летом няня взяла меня на кладбище. Оно было далеко, мы долго шли по пыльной дороге, было жарко, хотелось пить, и я то и дело спрашивала няню, скоро ли мы придём. Няня в конце концов, рассердившись, прикрикнула: «Терпи! А то больше не возьму!» Наконец, мы свернули с дороги, за лесом открылся берег Северной Двины и бесконечная даль за рекой.

Небольшое кладбище расположилось на краю леса. Мишина могила была на открытом месте, и на ней стояла деревянная колонка с красной звёздочкой на верхушке. На солнышке краснела земляника. Вокруг не было ни души, только мы с няней и птицы. Няня велела мне дотронуться до памятника: поздороваться с Мишей. Мы прибрали, насыпали пшена для птиц, посидели на скамеечке...

Скоре Ирина уехала поступать в Московский медицинский институт. Я очень скучала по ней; она тоже скучала по дому и в одном из писем написала: «Может, провалю физику, тогда приеду домой». Я очень надеялась на этот «провал», но он не состоялся, и постепенно всё вошло в свою колею.

В третьем классе мы с девочками начали участвовать в художественной самодеятельности. Выступали в клубе для рабочих — танцевали украинский танец гопак, я читала стихи, а с Галей Гагарской мы даже пели дуэтом песню «Дождливый вечером». Нельзя сказать, что мы с ней отличались вокальными данными, просто мы знали все слова, вот выбор и пал на нас. Сколько было репетиций, сколько волнений за кулисами! Зато зал награждал нас дружными аплодисментами. Того, кто получал плохую оценку, наша учительница Тамара Александровна отстраняла от выступлений. Мне это не грозило, с учёбой у меня всё было в порядке.

Тамара Александровна вообще была очень добрая, за что мы её и любили. Например, был у нас случай, когда в первом классе одна девочка заснула на уроке, и Тамара Александровна не стала её будить, а подошла к ней и укрыла полнее платком.

Тем, что я хорошо учусь, хорошо читаю, больше всех была довольна, наверное, няня. Она заставляла меня каждый день читать ей вслух Евангелие. Няня вообще была очень религиозна. Когда я вечером укладывалась спать, я всегда слышала, как она, тоже приговарывая ко сну, шепчет молитву, стоя на коленях перед своими иконками, и бьёт поклоны до самого пола. Под этот шёпот я и засыпала. Но по ночам, в темноте, меня часто терзали всякие страхи: то мне кажется, что кто-то дышит надо мной, то будто сейчас меня кто-то схватит за руку или за ногу; и я залезала с головой под одеяло, оставив щель лишь для носа. Радостью и даже счастьем для меня было перебраться из своей постели в нянину. Стоило мне очутиться у няни под одеялом и прижаться к ней, от всех страхов и следа не оставалось, меня охватывал полный покой, и я крепко засыпала.

Время шло, впереди было много интересного и радостного. Во-первых, очередной Новый год! Мама обещала, что в этом году у нас будет ёлка. Во-вторых, каникулы! И, в-третьих, самая главная радость — в конце января студенческие каникулы —

значит, Ирина приедет домой! Правда, потом случилась и одна большая неприятность. Но всё по порядку.

Приближался Новый год. Ёлочных игрушек у нас сначала не было совсем, изготовили их для нас конечно же в зоне. И какие это были замечательные игрушки! Тут были красиво разрисованные календарики и часики, был очень смешной и симпатичный из розовой ткани поросёночек в берестяной корзинке, и было много «мордашек». Сделаны они были из кусочков картона, обтянутых тканью с небольшой прослойкой из ваты. Затем на ткани рисовалась красивая и весёлая мордашка, и по кругу она обшивалась яркими оборочками. «Мордашки» были все разные и очень нарядные.

В последний день перед каникулами я, придя из школы домой, увидела наряженную ёлку. Все игрушки выглядели на ней очень красиво, и в довершение всего на ней были свечки, а под ёлкой стоял Дед Мороз, вокруг лежало много ваты, изображавшей снег. Ёлка была почти до потолка и распространяла аромат хвои и праздника. Сразу же было решено сохранить её до Иринино приезда. С меня няня с мамой взяла слово, что, находясь одна дома, я не зажгу ни одной спички. Вот тут и произошла неприятность.

В каникулы стояли трескучие морозы, гулять на улице было нельзя. Как-то, уже в конце каникул, няня ушла в магазин, а я сидела за столом перед окном, закрытым до половины высоты большим сугробом, — снег не убирала для тепла — и читала «Школу» Гайдара. Дома было тепло натоплено, тишину нарушало только тиканье часов да сверчок, поселившийся за печкой. Незаметно в мою голову закралась мысль: «А что, если я зажгу одну свечку и сразу же погашу её?» От этого желания мне уже было не избавиться, тем более что я была уверена, что ничего плохого не произойдёт. Я зажгла свечку, а не до конца погасшая спичка выпала у меня из руки прямо в вату, и вся вата вокруг ёлки вспыхнула в один момент. Я в ужасе начала топтать огонь бурками, но мне показалось, что и бурки загорелись. Тогда я выскочила на улицу и начала бегать вдоль барака, моля Бога, чтобы скорее вернулась няня. На счастье, меня увидел сосед, шедший на обед, и спросил: «Ты почему на таком морозе бегаешь раздетая?» «У нас пожар», — отвечаю я. «Как пожар?» — Ведь если у нас пожар, то и у него пожар, живём мы в одном бараке. Он вбежал в нашу квартиру, где было уже полно дыма, и ему удалось всё загасить.

Я чувствовала и вину, и стыд оттого, что не сдержала слово. А няня с мамой наказали меня тем, что перестали со мной разговаривать. Вдобавок ещё пропал мой любимый кот Васька. В общем, несчастнее меня не было никого на свете. Вечером на моё «спокойной ночи» никто не ответил. Не успела я ещё заснуть, как услышала мяуканье непонятно откуда. Няня и мама, бывшие на кухне, по-видимому, ничего не слышали. Я же прислушивалась лучше, и мне показалось, что мяуканье доносится из печки. Я открыла дверцу, и точно — оттуда вылез грязный, весь в саже мой кот Вася. Не обращая внимания на его вид, я взяла его к себе под одеяло, и одиночество моё закончилось. Спустя какое-то время слышу — ко мне идёт няня, я притворилась спящей и лучше спрятала Ваську, няня же просунула руку под одеяло и потрогала мои ноги — холодные. Она верну-

лась на кухню, принесла оттуда нагретый утюг, завернутый в тряпку, и приложила его к моим ногам. На душе у меня сразу стало хорошо, я поняла, что на меня не так уж страшно сердятся.

Потом были Иринины каникулы, но всё когда-нибудь заканчивается, и мы уже идём на вокзал провожать Ирину. Я плачу всю обратную дорогу, а дома сразу же сажусь писать ей письмо: «Здравствуй, дорогая Ириночка! Как ты живёшь? Я живу хорошо...» Так я начинала все свои письма. Мне хотелось ещё чем-то необыкновенным выразить свою любовь к Ирине, и наконец я придумала — я пошлю ей свою любимую «мордашку». И вот «мордашка» в конверте, письмо получается пухлое, конверт заклеивается с трудом. Мама выражает сомнение в том, что такое письмо дойдёт. Но оно дошло! Ирина рассказывала, как она и её подруги в общежитии веселились, когда пришёл мой подарок, и «мордашка» потом висела у неё над кроватью. А однажды они, сидя в своей комнате в общезитии, вдруг услышали по радио в детской передаче по заявкам: «Наташа Букан из города Котласа просит передать стихотворение А. С. Пушкина «У лукоморья...». Это их тоже очень развеселило. Но у меня, когда я посылала эту заявку, была тайная надежда на то, что это может услышать где-нибудь мой папа.

С наступлением мартовских солнечных дней началась оттепель. Днём с крыш капало, а за ночь на них намерзали сосульки, мы их сбивали и сосали. Может, они потому и называются сосульками? В марте же надо было отгрести снег от дома, пока он не начал дружно таять; и образовывался ручей, текущий вдоль барака в канаву. В этот большой ручей впадало много маленьких ручейков, для которых мы проделывали русла от своих крылечек. В общем, работы было много.

А летом начиналась заготовка дров, в которой мы, дети, активно участвовали. По Северной Двине производился сплав леса, и на берегу вдоль реки всегда было много брёвен. Никто не запрещал уносить их оттуда, что и делали взрослые. Таскали и мы по мере своих сил.

Когда мне исполнилось одиннадцать лет, в нашей семье произошли перемены — у меня появился отчим. Он был из семьи обрусевших немцев, жил до войны в Москве, но в начале войны вся семья была репрессирована. Я стала звать отчима дядей Андрюшей вопреки маминой просьбе называть его папой. Сильное влияние на меня имела няня, а она была против маминого замужества вообще, и против дяди Андрюши в частности — из-за его национальности.

Няня решила уехать от нас в свою деревню, сказав, что она хочет умереть у себя на родине. Для меня это было настоящее горе. Если бы я сама не испытала этого, то, возможно, даже не поверила бы, что у ребёнка может быть так тяжело на душе.

И началась у меня совсем другая жизнь — без моей любимой няни. Прошло немало времени, прежде чем мне стало снова уютно дома и прежде чем я получила дядю Андрюшу и поняла, какой это замечательный и светлый человек.

Все свои студенческие каникулы, все отпуска я всегда проводила в Котласе, который считаю своей родиной. И всегда меня тянет на высокий берег Северной Двины, откуда открывается самый милый моему сердцу вид на бесконечный простор.

г. С.-Петербург